ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ АРХИТЕКТУРЫ

Theoretical questions of the history of architecture

УДК 72.01
DOI: 10.22227/2500-0616.2025.24.8-16

И.А. Бондаренко

ТРАДИЦИОННАЯ СУБОРДИНАЦИЯ АРХИТЕКТУРНЫХ ПРОСТРАНСТВ (К ВОПРОСУ О РАЗМЕЖЕВАНИИ «СВЯЩЕННОГО» И «МИРСКОГО»)[1]

Выявляются истоки устойчивых традиций выделения архитектурными средствами пространств разной степени значимости. Разбирается вопрос о противопоставлении, размежевании и установлении контактов в определенных точках между зонами священными, мирскими и инфернальными. Уделяется внимание архитектурно-пространственным приемам обозначения связи земли с небом. Для анализа структуры произведений архитектуры и градостроительства привлекаются архаические модели мироздания.
Ключевые слова: архитектура, градостроительство, пространство, священное, мирское, структура, субординация

I.A. Bondarenko

TRADITIONAL SUBORDINATION OF ARCHITECTURAL SPACES (ON THE DEMARCATION OF THE “SACRED” AND THE “SECULAR”)

The origins of enduring traditions in distinguishing spaces of varying significance through architectural means are identified. The issue of opposition, demarcation, and establishing connections at certain points between sacred, secular, and infernal zones is examined. Attention is given to architectural and spatial techniques for marking the connection between earth and sky. Archaic models of the universe are employed to analyze the structure of architectural and urban planning works.
Keywords: architecture, urban planning, space, sacred, secular, structure, subordination

Наука Нового времени воспитала в людях отношение к окружающему пространству как огромной трехмерной емкости, бесстрастно вмещающей в себя все многообразие предметного мира. Правда, уже давно стала общим достоянием теория относительности А. Эйнштейна, допускающая искривление пространства – времени под воздействием силы гравитации. Известно и о существовании неевклидовой геометрии, о пространствах с большим числом измерений, однако их трудно себе вообразить даже математикам, занимающимся такого рода высокими материями.

Архитекторы лишь интересуются современной наукой — в меру сил и возможностей. Иногда это приводит к рождению в их произведениях неких художественных метафор на тему пространственной «нелинейности», «сингулярности», «бифуркаций», «аттракторов» и т.п. (весьма вольных и не всегда корректных с естественно-научной точки зрения). Но в большинстве своем архитектурная и градостроительная практика сегодня исходит из простого и привычного рационализма, сопряженного с унификацией, стандартизацией, типизацией, что в конечном счете ведет к вульгаризации профессии.

[1] Исследование проведено в Филиале ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» НИИТИАГ по Плану фундаментальных исследований РААСН и Минстроя России на 2025 год. Тема № 1.1.6.1.

И все же положение дел не так печально, как иногда кажется, ибо современное творчество опирается на исторический опыт и стойкие традиции, уходящие своими корнями в глубочайшую древность. Вникание в суть этих традиций делает очевидным существование представлений о принципиальной разнокачественности пространственных локусов, осваивавшихся и организовывавшихся так или иначе человеком на протяжении веков (*Топоров* 2010: 421–433).

Среди многочисленных трудов, касающихся данного вопроса, выделяется небольшая, но основополагающая книга М. Элиаде «Сакральное и профанное», в русском переводе — «Священное и мирское». Она начинается с утверждения: «Для религиозного человека *пространство неоднородно*: в нем много разрывов, разломов; одни части пространства качественно отличаются от других. … есть пространства священные, т.е. «сильные», значимые, и есть другие пространства, неосвященные, в которых якобы нет ни структуры, ни содержания, одним словом, аморфные» (*Элиаде* 1994: 22).

Надо признать, что и сегодня люди воспринимают пространства очень по-разному. И отнюдь не только с религиозной точки зрения. Архитекторы находят всевозможные средства отделения пространств главных, парадных от вспомогательных, периферийных или вовсе принадлежащих дикой природе. Поэтому есть смысл и потребность в рассуждениях о свойствах пространства с гуманитарных, интуитивно-художественных, эмоциональных позиций, оставляя в стороне строгие физико-математические абстракции, тем более что и в некоторых из них появляются выводы, «которые ближе к мифопоэтической концепции пространства, чем к усредненному и шаблонизированному «бытовому» образу пространства» (*Топоров* 2010: 430).

Особое внимание М. Элиаде обратил на традиционное значение дверей и порогов, которые «непосредственно и конкретно *указывают* на разрыв в пространстве», являясь «символами и средствами *перехода*». Попадая в священное здание, человек отрешается от внешнего профанного мира. Мало того, в таком здании «должна существовать какая-то «дверь» наверх, по которой боги могли бы спускаться на Землю, а человек мог бы символически подниматься на Небо» (*Элиаде* 1994: 25). Развивая эту мысль, М. Элиаде постарался обосновать тезис о концентрации сакральной значимости в центре мирового пространства и моделирующего его здания (*Элиаде* 1994: 31–37). «Вселенная берет начало в своем Центре, она простирается от центральной точки, как от «пупа» (*Элиаде* 1994: 35).

В данной статье ставится задача продвинуться вперед в осмыслении и уточнении фундаментальных идей М. Элиаде о существе традиционных взглядов на пространственную среду и ее архитектурную организованность.

Прежде всего возникает вопрос относительно правомерности принципиальной дефиниции пространств на священные и мирские. В языческие времена господствовала пантеистическая картина мира, согласно которой буквально все природные и рукотворные объекты считались одушевленными, населенными многообразными духами, которых надо опасаться и задабривать. Из этого следует, что пространство обыденной жизни не было отрезано напрочь от сферы сакрального. Другое дело, что ощущение сакральности проявлялось в разных формах и степенях полноты. Есть основание полагать, что люди издревле признавали существование субординации незримых сил природы. А обществу была присуща субординация родовая — патриархальная и матриархальная.

Таким образом, нельзя считать священное и мирское диалектической парой антагонистических противоположностей. Между первым и вторым всегда выстраивались переходные звенья, каждое из которых имело свою, большую или меньшую значимость. В одном направлении степень сакраментальности пространств нарастала, в другом — убывала, но не исчезала вовсе. Города имели предградья, посады, обжитые окрестности, «тянувшие» к ним, да еще и получавшие дополнительные очаги святости в виде храмов и монастырей. Дома окружались дворами, а те находились на тер-

риториях поселений, которые тоже освящались и оберегались от сил зла.

Следовательно, точнее будет сказать, что двери и пороги отделяли и связывали пространства не священные и мирские, а обладавшие большей или меньшей сакрализованностью. В самом деле, территория внутри городских стен была гораздо более защищенной и благодатной, нежели вовне. Зона вблизи храма овеивалась источаемой им священной аурой. Паперти и притворы предваряли попадание в пространство наоса. Но и там молящиеся оказывались лишь в преддверии самого таинственного пространства, заключенного в алтаре. Нельзя не вспомнить в этой связи библейское свидетельство о том, как царь Соломон устроил «в задней стороне храма, в двадцати локтях от края … давир для Святаго Святых» (3 Царств, 6.16).

На примере христианской церкви отчетливо видно, что наиболее священное пространство сосредотачивалось не в центре — наосе, а в алтаре, выдвинутом к востоку. Направление на восток почиталось особо с незапамятных времен, что надо признать естественным для людей, ежесуточно приветствовавших восхождение дневного светила, разгоняющего ночную тьму и дарующего радость жизни. Христианские священнослужители требовали от паствы отказаться от поклонения Солнцу, но при этом именовали Иисуса Христа «Солнцем Правды».

Античные языческие храмы ориентировались чаще всего наоборот — входами на восток. Но именно с этой стороны перед ними ставились священные алтари. Изваяние бога помещалось в глубину целлы. Его озаряли первые лучи восходящего Солнца. Что это значит? Олимпийские боги являли себя, выходя на свет из вечернего сумрака. Объяснением тому служит отождествление основных из них с планетами, сияющими на ночном небе. Главное ночное светило — Луна (греческая титанида Селена) — считалась движущейся навстречу Солнцу, несмотря на то, что ее захватывает общее вращение неба с востока на запад. Дело в том, что она зримо перемещается по кольцу эклиптики против часовой стрелки (если смотреть со стороны Северного полюса) с опережением Солнца. Планеты движутся в том же потоке, только с разными скоростями. Сложилось представление, будто Солнце рождается на Востоке, а Луна на Западе — в виде тонкого поначалу серпа. А в конце каждого месяца стареющая Луна погибает, растворяясь в лучах восходящего Солнца (*Афанасьев* 1994: 189, 190).

Внимание к такой общеизвестной небесной механике помогает обосновать мысль о сакрализации в прошлом не только восточной, но и западной стороны горизонта.

Северное и южное направления тоже были священны. Полуденному Солнцу противопоставлялась полная Луна как «Царица ночи». На протяжении веков едва ли не повсеместно воспроизводилась традиция ориентации жилища передом на дневную, солнечную сторону. Русские крестьяне поддерживали эту традицию вплоть до XX в., несмотря на требования властей ставить дома по красным линиям улиц лицом к лицу при любой ориентации по сторонам света. Они опасались делать даже окна с северной стороны, откуда угрожают явиться силы мрака (*Байбурин* 1993: 163). До наших дней сохранились деревни с рядами домов, поставленных в «затылок» друг к другу ради того, чтобы смотреть на Солнце.

Древнейшие однокамерные жилища, как и храмы типа мегаронов, спереди имели дверь. В русских избах после крещения дверь чаще всего стали располагать с противоположной стороны, поскольку перед был отведен для красного угла с божницей. И все же вход в жилище по-прежнему старались организовывать с юга, юго-востока или юго-запада — от главных ворот двора к красному крыльцу, примыкающему к боковой стене избы и приводящему в сени, пристроенные к ней сзади (*Бондаренко* 2023).

Так в христианском жилище наиболее священным стало пространство, обращенное на солнечную сторону, тогда как в жилище более древнем самое почетное место располагалось в глубине, у северной или северо-западной стены.

Согласно именно этой исконной и универсальной традиции, императоры Китая направляли продольные оси своих грандиозных дворцово-парковых

ансамблей с севера на юг. Значимость пространств в них шаг за шагом повышалась по пути от входа к замыкавшему перспективу тронному залу. Созданию данного эффекта способствовал выбор участка на склоне с южной экспозицией. «Сын неба» занимал возвышенное место на вздымающейся к северу поверхности земли, оказываясь под сенью приполярных созвездий, которые, по древним воззрениям, отмечали на небе область стабильности и бессмертия (*Крапп* 2000: 443).

Из трактата Аристотеля «Метеорологика» явствует, что европейские античные философы тоже связывали север с верхней частью земли, а юг с нижней (*Аристотель* 1981: 477). Для индусов хозяином юга был бог смерти Яма (*Тюлина* 2010: 18–25). Удивительно, но русское слово яма, означающее углубление, буквально воспроизводит это самое имя. Путь с юга на север подобен восхождению в гору, от низшего к высшему. Хотя, никак нельзя сказать, что низ лишен сакральности — ведь здесь простирается досточтимая «мать сыра земля», а под ней — «инфернальный» мир мертвых — преисподняя, Тартар, царство Аида, Ямы и других богов или демонов.

Согласно древним китайским воззрениям, закрепившимся в известном учении фэн-шуй, стражами сторон света являются зеленый дракон (на востоке), красная птица (на юге), белый тигр (на западе) и черная черепаха (на севере). Судя по всему, в данном случае имеются в виду не северное и южное направления, а полуночное и полуденное. Если так, то центральная точка обозначает «ось мира», черепаха — темную оборотную сторону земли, а птица — «красно солнышко», парящее над стороной обитаемой. Сидя на возвышении, император взирает на широкий ниспадающий дол и на озаряющее его яркое дневное светило. Величественная фигура обращена спиной к области мрака и защищает от нее этот прекрасный цветущий мир.

Возвращаясь к скромным традиционным жилищам, нельзя не напомнить о том, что домашний очаг было принято размещать вблизи двери. Для древних греков божественной хозяйкой здесь была Гестия, для римлян — Веста. По имени последней входная зона до сих пор именуется вестибюлем. В иерархии внутренних пространств и жилых, и общественных зданий этой зоне отводилась ступень низшая. Об этом свидетельствует рекомендация Витрувия строить алтари Весте, как и Матери Земле, низкими, в отличие от алтарей богам, пребывающим высоко в небесах (*Витрувий* 2003: 76). При всем том очаг почитался и оберегался всегда с чрезвычайным усердием. Его надо было содержать в чистоте, при нем запрещалось сквернословить, ибо от его исправного горения впрямую зависела жизнь общины (*Турцевич* 2016: 11–14).

Нельзя обойти вниманием древнейшие жилища типа юрт и шалашей, где очаг устраивался посередине. Над ним в кровле оставлялось специальное отверстие для удаления дыма и мистической связи с небом. В строении господствовала вертикальная ось симметрии. Все вроде бы так, как написал М. Элиаде о священном центре.

Совместные трапезы вокруг очага объединяли родственников и гостей. Однако надо заметить, что места по кругу не уравнивали людей, а ранжировали их по старшинству. Младшие сидели у входа, а старшие в глубине. У казахов до сих пор существует традиция при встрече гостя предлагать ему «проходить выше», как будто пол в доме имеет наклон[2].

Разрастание жилища приводило к возникновению заметной асимметрии, ибо хозяину — «большаку» подобало занимать пространство большее, нежели человеку «середнему», а тем более «мизинному». Может быть, поэтому в русской избе печь стали задвигать в угол при входе. Красный угол нередко называли большим. Значит, печной считался малым. Исследования древнеримского атриумно-перистильного дома показывают, что и в нем пространство у очага, где в ранний период собирались за трапезой все домочадцы, в последующем уступило свое значение обширным внутренним апартаментам (*Турцевич* 2016: 16).

Насколько позволительно говорить об умалении или нарастании степеней сакральности места в зависимости

[2] Информация об этом любезно предоставлена Э.М. Байтеновым.

от старшинства его владельца? Коль скоро заслуги и возраст человека делают его почтенным, такая зависимость представляется оправданной. Вспоминаются святые старцы, древние священные деревья, реликвии, удостоенные бессмертия. В то же время святыми становились и юные избранники божии. Римские жрицы очага — весталки — должны были всегда оставаться девственно молодыми. Обращает на себя внимание обычай хоронить под порогом дома умершего некрещеным ребенка (*Топорков* 1995: 318, 319). Этот обычай подтверждает, что данное место принадлежало самым младшим членам семьи. Но и оно было священно, как священна целомудренность райских созданий.

На самом деле можно констатировать, что все углы и все стороны, все стены и проемы здания, двора, города, посада наделялись изначально не только физической, но и мистической защитной функцией. Любые ограждения — и высокие, и низкие, и капитальные, и временные — обязательно освящали, призывая на помощь незримые силы. Это были «обереги» и для святынь, и для мирян.

Известны христианизированные магические заговоры, рисующие в воображении неприступные стены «от земли до неба», способные сохранить в неприкосновенности простого уязвимого человека. Исходное символическое значение ограждающих, да и перекрывающих пространство архитектурных конструкций состояло в приобщении к жизнеспасительному первообразу космоса, сотворенного посреди мертвящего хаоса. Фундаментальный смысл этих конструкций состоял в отделении пространств опасных от безопасных, находящихся под покровительством благих сил.

Мирское не противостоит священному, как хаос космосу. Поэтому его место надо искать не за пределами священной обители, а внутри нее, под защитой ее архитектурной оболочки, в середине. К такому выводу приводит не только вышеприведенный ход рассуждений, но и архаический образ геоцентрической вселенной, с особой наглядностью представленный в «Христианской топографии» ранневизантийского автора — Козьмы Индикоплова (*Редин* 1916: 124). Этот образ имел ярко выраженные архитектурные черты. Нет сомнений в том, что он программно воплощался в структуре христианского храма.

Показательна прямоугольная карта Козьмы Индикоплова, на которой обозначена островная земля, окруженная океаном, отделяющим ее от земли иной — первого дня творения. На восточной стороне этой периферийной земли — покинутый людьми рай (*Редин* 1916: 35, 115). В древнерусском апокрифе «О всей твари» указывается не только рай, но и его противоположность — «муки» (*Савельева* 2009: 427). В плане храма первый топоним ассоциируется с алтарем, второй — с пространством у западных врат. Знаменательна в этом отношении традиция размещения на западной стене церкви сцены Страшного суда. Восход Солнца знаменует рассвет, а его заход символизирует «конец света».

Островная земля — это та самая суша с «горами Араратскими», на которых остановился ковчег Ноя (*Редин* 1916: 35). Земля эта прекрасна, даже «лучше и почти равна раю» (*Редин* 1916: 36), но не идеальна. Эту мысль, содержащуюся в «Христианской топографии», поясняет цикл этиологических легенд, повествующих о том, как Бог сотворял благодатную землю посреди вод и как его лукавый противник наводил на нее порчу (*Народная* 1992: 453–456). Вот чем объясняют эти легенды тот факт, что живем мы здесь «с грехом пополам».

Ясно, что наше «мирское» пространство находится именно на этой земле, изолированной непреодолимым космическим океаном, наполненным созвездиями, несущими образы великих астральных существ — внизу водных, наверху — обитающих в воздушной среде. Небо с бесчисленными огнями звезд и светил создает священную оболочку для обитаемого острова, однако поддерживает на нем лишь относительное и преходящее счастье. Да и само оно не вечно, поскольку подчинено течению времени.

Наибольшую стабильность являет собой место в центре, на незыблемой оси вращения неба. Это верно. Правда, если иметь в виду «пуп земли», то придется констатировать, что он находится на экваторе — на линии полуденного

солнцестояния, а не на оси, куда обращена вершина — «макушка» — земли. Впрочем, можно, наверное, рассматривать «пуп» и как внутреннюю срединную точку в полости горообразной земли.

«Пуп земли» иногда обозначали на полу храма под куполом. Место священное, но все же не главное. Главенствовало изображение Пантократора — на своде купола. Святость концентрировалась вверху, во «главе» храма — его главном, «головном» месте, и еще выше — в мире горнем, куда устремлялся венчающий крест. Нельзя забывать, что свод, как и плоский потолок, символизировал твердь небесную, отделившую во второй день творения, согласно первой книге Бытия, пространство околоземное от вышнего.

Некоторые из приведенных М. Элиаде примеров традиционного расположения поселений и их доминирующих построек в воображаемом центре мироздания при ближайшем рассмотрении свидетельствуют именно о том, что сказано выше: «В Ууропене, в Гвинее, «дом людей» стоит посередине деревни: его крыша символизирует небесный свод, четыре стены соответствуют четырем сторонам света.

В Кераме святой камень деревни символизирует Небо, четыре каменные колонны, на которых он покоится, воспроизводят четыре Небесные опоры (*Элиаде* 1994: 36).

Обитель абсолютной святости — это совсем другое. Представление о ней дает описание в Откровении Иоанна Богослова нисходящего с неба в конце времен Нового Иерусалима (Откр. 21. 22–27; 22. 3–5). В нем нет места греху и горю. Достойные обитают здесь вместе с Богом в лучах Его света. Нет тьмы, нет ночи и нет нужды в Солнце и Луне. Это пространство вечности, где нет разделения священного и мирского. Мирское полностью «обóжено». А все недостойное отброшено во «тьму внешнюю».

Таким образом, субординация пространств свойственна здешнему миру, где нет абсолютного равенства, абсолютного добра и счастья. Тут требуется соблюдать меру, порядок, чинопоследование. Именно зона середины, усреднения является местом сосредоточения «профанного». «Сакральное» же концентрируется на периферии нашего пространства — по углам, сторонам, в самом верху и самом низу.

При рассмотрении вертикального разреза архаической модели мира большинство авторов пишут именно о такой ее «трехэтажности» (*Топоров* 2010: 306–315). Тот же М. Элиаде прекрасно показал, как шаманы в экстазе покидают мир людей и залезают по стволу дерева на небо или спускаются под землю (*Элиаде* 1998: 201–204). Получается так, что степени сакральности возрастают по мере «лествичного» восхождения к небу, как и взбирания по стволу дерева к его кроне. То же происходит и по мере нисхождения к корням, простирающимся во мраке. Правда, сакральность нижнего мира иного свойства, нежели верхнего.

Мысль о сакральности вертикальной коммуникации в пространственном центре порождает не вполне корректное представление о профанности периферии. Нельзя забывать о сакрализации и горизонтального пояса, ограждающего срединный мир по сторонам. Вспомним сказания о путешествиях героев «за тридевять земель», «куда глаза глядят», «за кудыкины горы», на «край света», где можно спуститься в подводное царство, либо подняться на небо, с трудом цепляясь за его скользкий край (*Афанасьев* 1994: 119–125).

Стоит заметить, что в храме, в подкупольном пространстве, вертикальный столп и лестница до неба рисуется лишь в воображении. А настоящую лестничную башню принято располагать с краю, у западных врат. Можно догадываться, что такое правило отвечало представлениям о склонении небосвода (в соответствии с наклоном плоскости эклиптики, обрамленной поясом Зодиака) и его опускании на тот участок земли, где был насажден райский сад. Не поэтому ли в восточном направлении нарастает степень святости церковного пространства?

Нет сомнения в том, что наибольшее эмоциональное напряжение всегда наблюдалось на границах, в местах перехода из пространства «своего» в «чужое», у дверей и порогов. Дверь в виде кусающейся пасти, страшная лесная избушка, сквозь которую непременно надо прой-

ти, огненная река, непреодолимая без волшебного помощника, — всем этим преисполнены мифы и сказки (*Пропп* 1986). Конечно, магические чары, создающие препятствия и влекущие человека к погибели, не тождественны силам священным в их христианском понимании. Однако нельзя отрицать наличия у древней магии и религии общих мистических оснований.

На самом деле, не очень удобно пользоваться дефиницией «священное – мирское». Во-первых, потому, что первое не противостоит второму, а проникает в него, чтобы защитить, очистить, усовершенствовать и обожествить. Во-вторых, «священное» бывает отнюдь не только благостно-гармоничным, но и яростным, карающим, испепеляющим. Необходимо различать в нем живительное и губительное, умиротворяющее и воинственное, светлое и темное, доброе и злое. Это вызывает потребность в уточнении терминов.

Если язычники могли называть святилищами места поклонения самым разным богам и духам, то приверженцы монотеизма — только одному Вседержителю неба и земли. Оставшиеся непереосвященными древние сакраментальные капища и урочища превратились для них в «бесовские», «колдовские», «нечистые» места отправления пугающих культов, которые стало нельзя называть сакральными, а тем более святыми.

В языческой древности каждый угол дома имел свой сакральный смысл. В христианскую эпоху святым стал именоваться лишь один — красный — с иконами и лампадой. Есть этнографический источник, где зафиксирована уверенность в том, что «сила святого угла побеждает всякую вражескую силу» (*Иванов* 1889: 38). Традиции почитания печи сохранились, однако, в большинстве своем перешли в разряд простонародных суеверий. Домового продолжили побаиваться и задабривать, но уже не как бога.

Вместе с тем от защитной функции ограждений отказываться было нельзя. Поэтому языческие обереги замещались христианскими апотропеями, крестами и иконами повсюду. Это значит, что отнюдь не только красный угол оставался священным, но и весь периметр дома, включая окна и двери — самые уязвимые его точки.

Новое время характеризуется «обмирщением» культуры. В ней уже нет места мистике. Остались лишь сказочные припоминания о завораживающем волшебстве. Только церкви и монастыри выглядят как островки, хранящие ореол святости в море обыденности. В целом соотношение священного и мирского стало в сознании современного человека совсем не тем, чем оно было в древности и средневековье. Думается, что основная причина тому — обособление разнокачественных пространств и объектов при умалении значения субординации в пользу сосуществования их на равных, независимо друг от друга. Сфера сакрального минимизировалась, замкнулась в себе и отмежевалась от житейского — профанного, что заметно обеднило и обескровило это понятие.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Аристотель 1981 — *Аристотель.* Сочинения в четырех томах. Т. 3: перевод / вступ. статья и примеч. И.Д. Рожанский. М.: Мысль, 1981.

Афанасьев 1994 — *Афанасьев А.* Поэтические воззрения славян на природу. В трех томах. Т. 1. Репринт издания 1865 года с исправлениями. М.: Индрик, 1994.

Байбурин 1993 — *Байбурин А.К.* Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993.

Бондаренко 2023 — *Бондаренко И.А.* «Красные ворота» и «черный ход»: о логике пространственной ориентации древнерусского жилища // Архитектурное наследство. Вып. 79. 2023. С. 5–10.

Витрувий 2003 — *Витрувий.* Десять книг об архитектуре / пер. с латинского Ф.А. Петровского. Изд. 2-е, исправл. М.: Едиториал УРСС, 2003.

Иванов 1889 — *Иванов П.* Народные обычаи, поверья, приметы, пословицы и загадки, относящиеся к малорусской хате // Харьковский сборник. Вып. 3. 1889. Отд. 2.

Крапп 2000 — *Крапп Э.К.* Легенды и предания о Солнце, Луне, звездах и планетах / пер. с англ. К. Савельева. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2000.

Народная 1992 — Народная проза / сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. С.Н. Азбелева. М.: Русская книга, 1992.

Пропп 1986 — *Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд. Ленинградского университета, 1986.

Редин 1916 — *Редин Е.К.* Христианская топография Козьмы Индикоплова по греческим и русским спискам. Ч. I. М., 1916.

Савельева 2009 — *Савельева Н.В.* Апокрифическая статья «О всей твари» и ее бытование в составе древнерусских сборников // Труды отдела древнерусской литературы / отв. ред. Н.В. Понырко. Т. 60. СПб., 2009. С. 394–436.

Топорков 1995 — *Топорков А.Л.* Порог // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М.: Эллис Лак, 1995.

Топоров 2010 — *Топоров В.Н.* Мировое дерево. Универсальные знаковые комплексы. Т. 2. М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2010.

Турцевич 2016 — *Турцевич И.Г.* Культ Весты в Древнем Риме. Изд. 2-е. М.: ЛЕНАНД, 2016.

Тюлина 2010 — *Тюлина Е.В.* Храм, мир, текст. Вастувидья в традиции пуран. М.: Восточная литература, 2010.

Элиаде 1994 — *Элиаде М.* Священное и мирское / пер. с франц., предисл. и коммент. Н.К. Гарбовского. М.: Изд-во МГУ, 1994.

Элиаде 1998 — *Элиаде М.* Шаманизм. Архаические техники экстаза / пер. с англ. К. Богуцкий, В. Трилис. Киев: «София», 1998.

REFERENCES

Baiburin A.K. *Ritual v traditsionnoi kul'ture. Strukturno-semanticheskii analiz vostochnoslavianskikh obriadov* (*Ritual in traditional culture. Structural and semantic analysis of East Slavic rituals*). St. Petersburg: Nauka Publ., 1993 (in Russian).

Bondarenko I.A. «Krasnye vorota» i «chernyi khod»: o logike prostranstvennoi orientatsii drevnerusskogo zhilishcha ("Red Gate" and "back door": on the logic of spatial orientation of an ancient Russian dwelling). *Arkhitekturnoe nasledstvo* (*Architectural Heritage*), issue 79, 2023, pp. 5–10 (in Russian).

Krapp E.K. *Legendy i predaniia o Solntse, Lune, zvezdakh i planetakh* (*Legends and legends about the Sun, Moon, stars and planets*). Ttranslated from English by K. Savelyev. Moscow: FAIR PRESS, 2000 (in Russian).

Propp V.Ia. *Istoricheskie korni volshebnoi skazki* (*Historical roots of a fairy tale*). Leningrad: Leningrad University Publ., 1986 (in Russian).

Savel'eva N.V. Apokrificheskaia stat'ia «O vsei tvari» i ee bytovanie v sostave drevnerusskikh sbornikov (The apocryphal article "About the whole creation" and its existence in Ancient Russian collections). *Trudy otdela drevnerusskoi literatury* (*Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature*). Ed. by N.V. Ponyrko. St. Petersburg, 2009, vol. 60, pp. 394–436 (in Russian).

Toporkov A.L. Porog (Threshold). *Slavianskaia mifologiia. Entsiklopedicheskii slovar'* (*Slavic mythology. An encyclopedic dictionary*). Moscow: Ellis Luck Publ., 1995 (in Russian).

Toporov V.N. *Mirovoe derevo. Universal'nye znakovye kompleksy* (*The World Tree. Universal sign complexes*), vol. 2. Moscow: Handwritten monuments of Ancient Russia Publ., 2010 (in Russian).

Turtsevich I.G. *Kul't Vesty v Drevnem Rime* (*The Cult of Vesta in Ancient Rome*). Moscow: LENAND Publ., 2016 (in Russian).

Tiulina E.V. *Khram, mir, tekst. Vastuvid'ia v traditsii puran* (*Temple, world, text. Vastuvidya in the tradition of the Puranas*). Moscow: Oriental Literature Publ., 2010 (in Russian).

Eliade M. *Sviashchennoe i mirskoe* (*Sacred and secular*). Translated from French and a comment by N.K. Garbovsky. Moscow: Moscow State University Publ., 1994 (in Russian).

Eliade M. *Shamanizm. Arkhaicheskie tekhniki ekstaza* (*Shamanism. Archaic techniques of ecstasy*). Translated from English by K. Bogutsky, V. Trilis. Kiev: Sofia Publ., 1998 (in Russian).